

ПО ПРАВУ ЗВЕРЯ

Анна Владимирова

Анна Владимировна

По праву зверя

Серия «Проданная зверю», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67552098*

Аннотация

– Ее надо отдать «зверю»...

Силуэт доктора расплывался. По телу волнами разливалась дрожь, голова кружилась, а место укуса на шее пульсировало все сильнее.

– Я видел это десятки раз. Если они так метят женщин, варианта ни для кого не остается. Она начнет погибаться, а антидота нет.

Я думала, что хуже в моей жизни уже быть не могло, но один рывок «зверя» разделил жизнь на «до» и «после». И теперь остается добровольно сдаться ему, чтобы он... закончил начатое...

Содержание

Пролог	4
1	9
2	14
3	19
4	25
5	28
6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Владимирова

По праву зверя

Пролог

Я видела его впервые в медицинском боксе.

Хотя картина не менялась. Все они попадали сюда в таком виде – разодранная плоть, кровь, тяжелое дыхание, переходящее в хриплое рычание... Этому не повезло особенно. Черные волосы мужчины были мокрые от пота, смуглая кожа казалась серой из-за потери крови, а по телу волнами била крупная дрожь от избытка адреналина. Веки плотно закрыты, но под ними заметно движение глаз.

– Док, мы тебе нужны? – хрипло спросил один из охранников, намекая на возможность перевести дух. Второй молча ушел.

Я знала, что они работают на износ, что каждый день с этими... зверьми мог стать последним, и становилось только хуже. Остаться одной в обществе раненного не хотелось, хоть я и понимала, что он надежно зафиксирован. «Звери» вызывали страх на инстинктивном уровне. Один взгляд этих желтоглазых чего стоил – кажется, они мысленно сдирали кожу и перегрызали горло. Опасные, неვნменяемые твари, хоть и выглядят людьми... на первый взгляд.

– Осторожно, док, этот – не искусственный, – не дождался ответа охранник, устало наблюдая за моими приготовлениями.

Ничего специфического мне тут не понадобится – остановить кровь, зашить особенно большую рану, наложить пластыри и влить тонизирующее. Если бы не ощущение постоянной опасности, отупела бы на такой однообразной работе.

– Ну и что? – вспорола ножом майку пациента, оголяя крепкий рельеф пресса и груди.

– Нормальные они, жаль – мало их...

– Сколько? – откинула бесполезную тряпку в ведро.

– Двое.

– Если нормальные, что он тут делает? – Я взялась промывать раны. На груди была самая глубокая.

Стоило тронуть, кровь потекла быстрее, и «зверь» задышал чаще, из горла вырвалось хриплое рычание, от которого меня бросило в нервную дрожь.

– Их эти «реплики» ненавидят, – кивнул охранник в сторону коридора. – Ну те, что искусственные. А эти настоящие, породистые.

Меня передернуло от его слов – как о скоте говорит.

– Почему не отселить их? – машинально поддерживала беседу, лишь бы этот тип не ушел.

– Да мне какое дело?

– Помогите. Его надо приподнять и дать энергетик.

– Да брось ты, – вдруг фыркнул он. – Все равно выкараб-

кается, на них все как на собаках заживает.

Я медленно потянулась за скальпелем и сжала в трясущихся руках – меня это всегда успокаивало, и тремор проходил быстрее.

– Пошел вон, – прошипела, сжимая инструмент в ладони.

– Спокойно, деточка, – сузил глаза охранник. – Положи скальпель.

– Мне он нужен, – цедила холодно. – Пошел вон, я сказала!

Мужчина криво усмехнулся:

– Позовешь, – бросил многозначительно и убрался из отсека.

Я позволила себе несколько тяжелых вздохов, успокаивая дрожь, и вернулась к пациенту.

– Твари, ублюдки... – шипела, обрабатывая раны.

«Зверь» то ли потерял сознание, то ли успокоился, но больше ни на что не реагировал. Около часа я зашивала его большую рану на груди, не жалея анестетика, что бы эти твари-охранники ни говорили. Опуститься до изверга несложно. Жизнь меня швырнула в эту передрыгу, но терять человеческий облик я не собираюсь. Чего не скажешь о людях, которые обслуживают это жуткое путешествие. Если бы я только знала, с кем предстоит работать...

– Эй, – позвала пациента, но он не среагировал. – Эй, мне сказали, ты умный...

Не знаю, как я додумалась шлепнуть его по щекам. В

следующий миг меня будто ошпарило от взгляда, которым вдруг уставился «зверь». По коже прошлась волна мелких мурашек, а в груди сдавило от страха. Это желтоглазых я боялась? Они не шли ни в какое сравнение с этим. Глаза этого «зверя» горели жидким огнем, отливающим синевой, и он будто перекачивался вокруг зрачка, завораживая и лишая воли. Может быть, поэтому я не успела дернуться, когда он одним рывком оторвал фиксаторы по бокам койки и кинулся. Тележка с инструментами и препаратами с грохотом улетела в стенку и рассыпалась. Меня припечатало рядом, едва успела выставить ладони, чтобы не разбить лицо, а в спину вжалось горячее тело. «Зверь» схватил меня за шею одной рукой и рванул на себя.

Как же не хватало скальпеля... Стоило только подумать эту глупость, шею будто ошпарило кипятком и приложило разрядом. Я дернулась. Сердце сделало кульбит, остановилось и ударилось больно о грудную клетку. Задержав дыхание, я рванулась в ужасе изо всех сил, но бесполезно.

– Помогите! – наконец, прорезался хриплый голос. – ПОМОГИТЕ!

Пальцы цеплялись за его запястье, но вырваться не удавалось. «Зверь» шумно выдохнул мне в висок, а когда в коридоре послышался топот, с трудом набрал воздуха в легкие:

– Не придешь ко мне – сдохнешь, – прохрипел на ухо, – не делай глупостей... теперь ты – моя.

В этот момент в бокс влетела охрана, и давление чужого

тела исчезло. Позади слышались крики и ругань, звон рассыпанного по полу инструмента. А я просто сползала по стенке на трясущихся ногах.

За шиворот стекала теплая капля крови, и, быстро остывая, противно холодила спину, а я все еще пыталась отдышаться.

– Хайди! Черт, – меня подхватили на руки и куда-то потащили.

Кажется, сам капитан примчался, но голова упрямо отказывалась воспринимать этот мир, поставленный на паузу этим хриплым рычанием. А оно будто заблудилось внутри, спускаясь все ниже, будоража солнечное сплетение, сбивая дыхание и... согревая.

«Ты – моя...»

* * *

1

Звон металла ударил по барабанным перепонкам, и я поежилась.

– Готово, кровь остановилась, – доложил кто-то скрипучим голосом. По лбу скользнула прохладная тряпка.

– Хайди, – прогнулась койка под чужим телом. – Ты меня слышишь?

– Хреново это, кэп.

Я открыла глаза и поморщилась. По ощущениям, мне откусили половину шеи вместе с рукой до лопатки. С губ сорвался стон.

– Хайди, – кэп приложил к губам стакан с водой, которую я жадно принялась глотать. – Твари...

– Это не они твари, а мы.

Рядом стоял Бенжамин, ученый с той самой базы, с которой экипаж корабля привез этих нелюдей. Его силуэт расплывался и двоился, но его ни с кем не спутать. Яркий представитель восточного мужчины, лысый и смуглый, он пристально всматривался в мое лицо.

– Бенжи, не надо морали, – раздраженно поднялся капитан Морган.

Он мне казался тут самым нормальным. Зачем он взялся транспортировать эту живую контрабанду на восток, понятия не имела. Но наверняка были причины. По крайней ме-

ре, так думать было легче. Потому что все остальное, во что меня швырнула жизнь, не давало никакой опоры.

Еще две недели назад я сидела на ступенях медицинского университета со скальпелем в руках и думала, что жизнь закончилась. Восьмой год жестокого графика и нагрузок мое тело не выдержало – подвело, сдалось... Чертов тремор поставил крест на карьере хирурга. До сих пор помню взгляд куратора, старика Ходина, когда он вынес свое последнее слово, обозвав его «рекомендацией». «Не надо, Хайди... За-режешь кого-нибудь на операции – до конца дней не выйдешь. Давай подумаем о переквалификации, это единственный вариант. Практикующих консультантов сегодня сильно не хватает. Неврология, педиатрия...» Я тогда молча встала и ушла. Через неделю двери моей квартиры взломали, вытащили меня из-под одеяла, поставили капельницу... Но, видимо, привели в чувства недостаточно, потому что я влипла в какую-то дикую историю и оказалась на корабле.

Когда мне позвонил Ходин и предложил работу, чтобы «встряхнуться и переключиться», я даже не задумалась о том, чтобы что-то проверить. Сам же куратор снизошел... Мне обещали хорошо оплачиваемую должность корабельного врача на двухнедельное плавание. Опять же – не год. Смена обстановки обещала перспективы просветления или хотя бы смирения с тем, что половину жизни можно слить коту под хвост. А за две недели платили очень хорошие деньги. Хватило бы на весь курс переквалификации, если я уговорю

себя на этот унижительный шаг.

Но после отплытия оказалось, что все совсем не то, чем казалось до этого, а дна своей жизни я достигла не там, на ступеньках университета, а тут... с раной на шее.

– Ее надо отдать ему, – подтвердил мысли Бенжамин. – Я видел это десятки раз. Если они так метят женщин, варианта ни для кого не остается. Она начнет загибаться.

По телу прошла дрожь, голова закружилась...

– Хайди...

– Это нервное, – мотнула головой и села. – Все в порядке.

Я раздраженно накинула рубашку на плечи и осторожно покрутила головой.

– Мисс Белл, вы меня слышали? Мы не нашли антидот, хотя искали десять лет. Антидот есть только у них самих...

За эту неделю я много всего узнала. Что общество наше весьма чудно, и не только люди в нем живут. Эти твари, что рычали и царапались в нижнем отсеке в клетках – производные от вполне цивилизованных хищников, существующих с нами бок о бок. Правда, цивилизованность в ходе экспериментов они потеряли напрочь.

Я все больше приходила к мысли, что Ходин меня утилизировал. Уж ему ли не знать, что такие, как я, не выживают. Спиваются, сторчиваются, но жизни таким неудачникам больше нет. В патологоанатомы и на свалку. Меня не выпустят отсюда живой. Слишком многое я вижу и понимаю. И

только капитан Морган продолжает почему-то переживать.

– Сколько я протяну? – подняла взгляд на ученого.

– Я не знаю. Мы не проверяли.

– Искали женщин для них, да?

Бенжи опустил глаза:

– Думайте сами, – и вышел из медотсека.

– Хайди, – снова позвал кэп, и у меня внутри все сжалось.

Этот его участливый взгляд слишком напоминал о жизни, в которую меня больше не выпустят. Только спросить я все не решалась, да и кто мне скажет правду?

Моргану было около пятидесяти. Симпатичный мужик, породистый. Закаленный, с прямой спиной и развитым телом. Я бы даже пошла к нему в руки, если бы позвал. Но он смотрел на меня как на дочь, и это временами бесило. Мне жить осталось неделю, а он жалеет! А теперь, кажется, и того меньше.

– Не вздумай умирать, – вдруг огорошил он.

– Я вообще-то не собиралась, – растянула губы в усмешке, – но вы же все понимаете...

– Я бы не дал тебя в обиду, – тихо, но от этого не менее весомо заявил он.

То ли от адреналина, то ли от безысходности, но я вдруг почувствовала, что мне все равно.

– Возьми меня к себе в каюту сегодня и не дай в обиду, – решительно потребовала я.

В синих глазах капитана заплескали бледные искры, угол-

ки сухих губ тронула усмешка, а я чуть не зарядила ему пощечину от обиды.

– Возьму, – неожиданно согласился он. – Чтобы проследить за твоим самочувствием.

Я закатила глаза, попробовав не даться ему в руки, но в моем состоянии это было невозможно. Морган подхватил меня под колени и лопатки и понес из отсека.

Я притихла у него на груди, опасаясь, чтобы никто не попался навстречу. Смелость как ветром сдуло, на смену ей пришла еще большая слабость. В коридорах было безжизненно, шаги кэпа отдавались глухим эхо от стен и больно били в виски.

– Все же интересно, сколько времени у меня осталось, – задумчиво прошептала, оглядывая каюту. Типовая, без изысков, но хорошо пахнувшая свежим мужским телом и гелем для бритья.

– Дура, – выругался кэп и бережно уложил меня на свежую постель.

– Вы же слышали Бенжи, – растянулась я нагло на прохладной простыни. – Да и этот зверь сказал, что сдохну...

Капитана передернуло.

– Посмотрим, – напряженно выдохнул он. – Я не дам тебе умереть.

– Лучше бы не дал замерзнуть. – Меня и правда начало знобить.

– Хочешь что-нибудь? – просканировал меня обеспокоенным взглядом.

– Согрей, – с трудом ворочала языком, проваливаясь в сон.

– Хайди, – холодная ладонь легла на лоб, вторая рука

тряхнула за плечи. Послышалась ругань, но тут же схлопнулась вместе с сознанием.

* * *

– Блейк...

Я моргнул. Пялился на решетку, люто ненавидя это идеальное железо, которое не согнуть, не выбить. Оно воняло отчаянием и безнадежностью, его запах оседал на языке горечью бессильной злости. А теперь к ней добавился еще и запах собственной крови и антисептиков.

Но это все в прошлом. Все изменится. По крайней мере, я на это рассчитывал. И теперь перебирал в мыслях возможные варианты развития событий, чувствуя, как наливаются яростью мышцы. Нет, ее не выбили за эти пять лет заключения. Она копилась внутри, настаивалась, набиралась силы и крепла, как хорошее вино. Скоро все хлебнут... Все, кто встанут на пути.

– Блейк, что случилось? – Дарджел тяжело вздохнул позади, вероятно, усаживаясь. Я обернулся к нему, наблюдая на его лице ожидаемые метаморфозы. – Кто тебя так? – выдохнул он изумленно, поднимаясь.

А я подумал, что надо бы его вытаскивать из пристрастия к крепкому снотворному, которое ему радостно тут отсыпая горстями. Да, когда спишь, проблем не существует, они не ковыряют мозг вместе с тоской и бессилием что-либо из-

менить. Но сегодня меня это перестало устраивать.

Я почувствовал ее запах несколько дней назад. Думал, у меня галлюцинации, ведь эти лабораторные крысы таскали мне женщин каждую неделю в надежде, что хоть кто-то подойдет, и я потеряю голову и начну подчиняться. Как Дарджел. И теперь меня преследовали сны о ней, а похороненное в заключении либидо восстало из мертвых. Маленькая черноволосая девчонка с большими глазами и оливковой кожей. Кажется, я полжизни не хотел женщину так сильно, хотя прошло пять лет с того дня, как попал в лабораторию.

– Хотел убить Лукаса, – направился к Дарджелу.

– Ты?! – раскрыл он широко глаза. – С чего вдруг?

С того, что мне нужно было добраться до своей женщины.

– Бесят недоделки, – и я уселся рядом с ним, давая себе передышку. Дарджел усмехнулся. Желтоглазые нас ненавидели, но обходили стороной. Если бы я не кинулся на их предводителя, они бы не напали. Но я мог попасть к ней, только если бы нуждался в ее помощи. – У меня есть идея...

– Я тебя не узнаю, – устало прохрипел Дарджел. – Какой-то деятельный стал.

– Я нашел свою пару.

Наступила тишина, в которой слышно было, как старый борт скрепит под натиском воды. Я впервые почувствовал себя неудобно. Внутри все оживало и встряхивалось, начинало чувствовать.

– Не вовремя, – наконец, постановил друг.

– Ты помнишь, как люди боялись праймов?

– Они их не брали.

– Они не могли знать о каждом, – злорадно усмехнулся.

Дарджел повернул голову:

– Ты...

– А знаешь, почему бояться?

– Догадываюсь, – поежился он.

– Мне просто надо до нее добраться...

Его смешок оказался неожиданностью.

– Ты что, думаешь использовать такую связь ради силы?

Я повернулся к нему и заглянул в потухшие глаза:

– Я вытащу тебя отсюда, обещаю. А потом мы найдем Ра-

ми и твоего сына.

Глаза Дарджела блеснули на миг и угасли. Он уперся затылком в стенку и облизал губы:

– Ты не сможешь ее использовать, Блейк. Думаешь, я умираю медленно внутри вдали от своей женщины просто так? – его голос слабел. – Чтобы получить силу, нужно отдать всего себя. Только так... Иначе не получишь ничего.

Я посидел, слушая его дыхание, потом провел по повязке на груди. Она пахла ей. Запах будоражил кончики нервов, дразнил и потихоньку изматывал. А кроме того, в душе начало ворочалось беспокойство – что если она не придет ко мне? Вдруг предпочтет умереть?

Она не похожа на других... Глаза слишком решительные, немного злые. И что она делает здесь? Заманили враньем,

как и половину команды? Но она не сломалась. Продолжает делать свое дело – штопает ошметки на наших телах после стычек, и не жалуется.

В коридоре слышались шаги. Знакомые. Они принадлежали единственному человеку, которому здесь не хотелось перегрызть глотку сходу. Капитан приблизился к прутьям и остановился напротив.

– Бенжамин говорит, она не выживет без тебя, – глухо процедил, глядя на меня усталым взглядом.

Пришло время торговаться.

Я поднялся и медленно направился к решетке:

– Ты теряешь людей, а еще неделю плыть. Желтоглазые не становятся спокойней – только больше звереют, – начал я. Они убили уже троих охранников. А транквилизатор помогал все хуже – даже под их воздействием им удавалось рвать глотки. – Я могу помочь.

Капитан презрительно шурился, только не я его вынудил транспортировать этих обезьян через пролив. Ответить ему таким же взглядом ничего не стоило.

– Я – прайм. Единственный среди них. Отдай мне ее, и проблем с мутантами у тебя больше не будет.

Будут другие, но о них я пока не скажу.

Капитан отвел глаза, вздыхая, отвернулся, походил туда-сюда, будто у него был выбор.

– У нее жар, не могу сбить...

– Теряешь время, – прорычал я. Неожиданно мысль о том, что ей плохо, заставила ощериться. Я едва не рванулся к прутьям и не вцепился когтями в глотку собеседнику.

– Куда ее тебе? Сюда? – неприязненно скривился он. Мысль о том, что он неравнодушен к моей девочке, больно огрела, но я стерпел. – И откуда мне знать, что ты не причинишь ей боли?

– У тебя нет выбора, – заставить себя торговаться холод-

но и расчетливо стоило всех сил. — И... мы не можем сделать что-то, что причинит избраннице боль... — Пришлось внять словам друга, по крайней мере, сейчас они казались правильными. А запах свободы пьянил. Зверь рвался наружу, и он сметет все на своем пути... Но позже.

— Я... отдам тебе каюту, — наконец, решился он.

— И никаких камер, капитан, — сурово цедил я.

— В каютах нет камер, — поднял он на меня растерянный взгляд. — Так ты обещаешь, что поможешь в обмен на Хайди?

— Даю слово. Желтоглазые больше не будут проблемой.

— Мне нужно, чтобы никто из экипажа не погиб больше от их руки, — тяжело дышал кэп. — Или от твоей.

Это уже не входило в мои планы. Но я не собирался держать слово перед людьми, которые делали из меня раба.

Заминку кэп расценил, как мой диалог с совестью.

— Хорошо, пошли, — и он вызвал по комму охрану.

* * *

Казалось, я была под долгим наркозом. Первым вернулся слух, но пошевелиться не было никакой возможности. Все так же пахло свежим бельем и... цветами. Тонкий аромат яблочного сада наполнял спокойствием, будто я просто уснула на газоне перед университетом весной. Одно время жила там, чуть ли не ночевала. И каждый год по его периметру невероятно завораживающе цвели старые узловатые яблони.

Они щедро посыпали голову лепестками при первом дуновении, и я еще половину весны находила и вытряхивала сухие лепестки из карманов худи и рюкзака.

Вдохнула глубже, ожидая, что рот привычно наполнится слюной, но запах пропал. А вместо него ноздри наполнились чем-то терпким, горячим, на языке невыносимо загорчило, сбилось дыхание и пульс. Тело бросило в пот, стало холодно, и меня затрясло, но тут же будто накрыло чем-то теплым. В шею ткнулось горячее дыхание, а солнечное сплетение завибрировало от животного рыка. Я попробовала рвануться из кокона оцепенения, но влетела лопатками в крепкое тело и упала обратно на мокрую простынь. Кровать прогнулась под тяжестью, и шеи коснулись... языком. Мышцы сократились в одном остром импульсе, и с губ сорвался стон.

Память вспоролو воспоминание о звере, его укусе... и как напросилась к капитану в постель. Из груди вырвался ослабленный стон. Я же сама хотела, а тело так ярко отзывалось на ласку, что я сучила ногами, надежно придавленная к кровати. Только зачем-то он водил языком по воспаленной ране, и та неожиданно реагировала горячей пульсацией вместо боли.

– Морган, – попыталась возмутиться, только он вдруг совершенно невменяемо зарычал так, что тело снова вздрогнуло от озноба.

На шее сомкнулись пальцы, и я дернулась. Но он не душил – просто прижимал к себе. Вторая рука мужчины за-

скользила по обнаженному телу, стирая пот и дрожь, и я послушно выгнулась, вжимаясь попкой в его бедра.

– Еще раз позовешь капитана, – раздался хриплый знакомый шепот у уха, – порву его на лоскуты...

Я широко раскрыла глаза, хватая ртом воздух. В груди скакнуло сердце и забилося о ребра как в последний раз. Я рванулась изо всех сил, но куда там! Сама же позволила себя распяты на кровати. Ему только осталось придавить и...

– Я же говорил – сдохнешь без меня, – и он провел носом по шее, красноречиво делая длинный вдох и дополняя его касанием острых когтей.

Сознание раскололось. Одна, затухающая часть, забилась в истерику, и я рванулась из лап монстра, но, кажется, только сильнее в нем увязла. Зверь втиснул между бедер колени, расталкивая ноги, и вдруг протяжно лизнул рану. Шершавый язык, казалось, взбудоражил каждый нерв. В виски ударило, голова закружилась, отключаясь, уступая место какой-то незнакомой мне сущности. Она отзывалась на действия зверя, стонала и сдавалась его ласке.

Противоречивые эмоции сводили с ума, рождая дикую агонию, только ему было плевать. Он использовал любое мое движение, чтобы заполнить все пространство между нами. Я только почувствовала пугающее давление между ног и сжалась, готовясь к боли, когда он вздернул меня на колени и рванул вверх. Глупо, но мне все это напомнило какой-то дикий танец. Его рука, скользившая по моим ребрам вниз, ши-

роко расставленные дрожащие ноги и запрокинутая на его плечо голова. Мы покачивались в собственном ритме прерывистого дыхания и дико скачущих сердец. Я слышала, как стучит его собственное, и этот звук все больше вгонял в транс. Я сама дернулась бедрами ему навстречу, и он жестко ворвался внутрь, жадно отвечая.

Каждое движение корежило волю и распаляло желание. Желание, чтобы Зверь не останавливался. Я чувствовала, как скользят когти по коже, оставляя горящие следы, как катятся капли пота, собираясь и срываясь вниз, встречаясь с его руками и будто вспыхивая в месте столкновения. В горле невыносимо саднило от крика, переходящего в беспомощный хрип. А в животе уже сжималось от давно забытого предвкушения, которое странным образом примиряло со всем происходящим.

Удовольствие было немыслимо, неправильно, запретно, но от этого становилось только острее. Не соображая, я двигалась быстрее, выпрашивая все, что он собирался дать, или даже требуя. Когда он развернул меня к стенке, я закричала в голос. Не в силах вынести его напор, снова рванулась из его рук и оказалась на животе, где Зверь беспощадно довел меня до такой изматывающей разрядки, что я едва не потеряла сознание, скуля и вздрагивая.

Он тяжело дышал мне в затылок, не выпуская шею из лап. А я чувствовала себя так хорошо и устало, что едва успела отметить затухающим сознанием абсурдность всего происхо-

дящего... и провалилась в сон.

* * *

– Что ты... – Капитан так и застыл в проеме каюты, не успел я даже сползти с девчонки.

– Пошел вон, – зарычал так, что даже в свете тусклой лампы было видно, как он побледнел. Еще и один приперся, герой.

– Что с ней? – прохрипел он упрямо. – Ты обещал, что не сделаешь ей...

– Нормально все с ней, – еле заставил себя связать слова. Слез с кровати и медленно направился к нему, как был – голым. – Это нормально, – процедил. – Или мне тебе о каждой позе отчитываться, в которой я буду ее трахать?

– Не надо мне угрожать, – с трудом выпрямился он у проема.

– А я не угрожаю. Пойди спроси у своего ученого, что делают со зверем, который выбрал себе самку, и что может сделать, когда к нему лезут в самый неподходящий момент...

Придурок бросил нерешительный взгляд на девчонку, а у меня внутри будто что-то дернулось из подсознания и провалилось наружу. Я вспомнил, как она приняла меня за него,

и в один вдох схватил его за горло у стенки, выпустив клыки и когти. Капитан задергался, отчаянно хрипя и хватая меня за запястья, пришлось ослабить давление.

– Ты с ней спал?! – приложил его затылком о железо.

Он только и смог, что отрицательно мотнуть головой, а меня будто из тисков выпустило. Клыки втянулись, помутнение прошло также быстро, как и настигло. Я отпустил капитана, и тот сполз по стенке, пытаясь отдышаться.

– Не входи сюда больше, это – наше с ней логово. – Я присел, заглядывая человеку в глаза: – Будут чужие запахи – получишь еще одного невменяемого больного ублюдка в моем лице, оно тебе надо?

Кэп тяжело сглотнул.

– Мы договорились. Я свое слово держу.

– Хорошо, – кивнул он, поднялся с трудом и вышел, шатаясь, а я хлопнул дверью. Щелкнул электронный замок. Та же клетка, но ничего, не надолго.

Как только нас отрезало от внешнего мира, отголоски умопомрачения зазвучали ярче. Я медленно повернул голову в сторону кровати и осторожно втянул запах... Чистое бешенство, даже сердце застучало быстрее и четче. В вены будто жидкого огня плеснуло, и я жадно сглотнул. Я хотел ее. Без остановки, до одури, до воя. Замер, нависая над ней и пытаясь обуздать все это внутри. Значит, вот оно как? Найти ту самую... А тело продолжало требовать взять. Только девушка вымученно отключилась, а я не собирался трахать

бесчувственное тело.

– Придется потерпеть, – констатировал сам себе. Тишина каюты наполнила вдруг согласным спокойствием. Я огляделся – не широко просторная, скорее – тесная, но все лучше клетки. А, кроме того, девочку свою долго ловить не придется. То, что она даст деру, даже не сомневался. Непривычные человеческие женщины к тому, что их раскладывают и присваивают без спроса, а эта всем им фору даст. Я с интересом разглядывал все, что было доступно взгляду – бледная кожа со следами моих зубов и когтей, круглые плечи, трогательные ямочки на округлых крепких ягодицах, черные спутанные волосы... Не смог отказать себе в том, чтобы дотронуться. Убрал волосы с ее лица и залез на кровать, инстинктивно отгораживая ее от дверей.

Чувство страха за кого-то кроме себя, озадачило и напрягло. Но все внутри было под контролем, и я успокоился. До утра.

По ощущениям, я так и не уснул, но для того, кто «проспал» все эти годы, ничего удивительного. Без снотворного и с новыми возможностями, что давала девчонка, жизнь заиграла новыми красками. Инстинкты просыпались, обостряя чувства. Жизнь пульсировала, разгоняя кровь и наполняя тело предвкушением. Я пролежал до самого утра, прижимая к себе ее и едва сдерживаясь, чтобы не разбудить и не продолжить. Отвлекали только мысли о том, как выбираться отсюда и что следует сделать первым делом. Я так увлекся, что даже не сразу заметил, что она вздохнула глубже.

Когда она застонала, я насторожился и обхватил ее лицо: – Эй, – позвал хрипло.

Она повела головой, но просыпаться не спешила, и я решил действовать решительней. Жар у нее спал, на ощупь казалась даже ледяной – не помешает разогреть. Но где-то в глубине тревожило опасение, что ей плохо. То, что я поместил, но не довел дело до конца, было плохо. То, что может умереть – слышал в лаборатории от персонала. Но сейчас по идее все должно идти на лад – вон, даже щеки порозовели, и дышит спокойно. Я провел ладонью по ее лицу, лаская большим пальцем нежную кожу. Даже не думал, что это может быть настолько приятно. У меня пять лет не было женщин, а теперь вдруг есть та самая, с которой все по идее долж-

но быть по-особенному. Но я понятия не имел, как это. Казалось, впервые трогаю женщину, переживаю, что ей может быть плохо... даже чувство вины, давно забытое, подняло голову. Ну и на черта мне весь этот багаж?!

Я опустил ладонь на грудь девчонке и сжал. Она хрипло застонала, завозилась, но терпеть уже не было сил, и я скользнул носом вдоль ее позвоночника, оглаживая бедра, присваивая... Мысль о том, что вся она – моя, выдрала из груди довольное рычание, и девочка дрогнула, вскинулась, пытаясь отползти, вывернуться, но чхать я хотел. Рывком вернул на место и запустил язык между ее ягодиц. Ее ощутимо тряхнуло в моих руках, но мне было мало, и я запустил в нее пальцы. Смотреть, как она дергается, как впивается тонкими пальцами в помятую простынь и крутит попкой, было невыносимо. Я дернул ее к себе, намереваясь рвануться внутрь без прелюдий, но что-то остановило, потащило к ней, и вот я уже склонился к ее шее, собрал волосы в кулак и коснулся губами чувствительной кожи, намереваясь... успокоить?

Заполнять ее медленно оказалось крышесносно. Она сжималась, становясь невыносимо тесной, и терпение, казалось, рвало жилы и выворачивало от напряжения, но я не сдавался... Теперь это было важным, потому что где-то на задворках сознания уже трепыхалось что-то чуждое – чужие эмоции. Они уже били током собственные нервы, не позволяя делать то, что хотелось.

Когда я втиснулся полностью, она застонала.

– Тш, – сорвалось с губ, а в груди рванулся фейерверк вос-
торга от ее всхлипа. Не могла сопротивляться, отвечала, хоть
и пыталась вырваться, и это срывало последние предохрани-
тели. Когда я позволил себе все, даже не заметил. Пришел в
себя мокрый и опустошенный сверху на ней, дрожащей и та-
кой же выжатой досуха. Ее спина, тонкая и светлая, как про-
блеск солнечного луча в этом вечном мраке, была исполю-
сована когтями. Это отрезвило и бросило в жгучее чувство
вины. Повинуясь инстинкту, я нагнулся и лизнул набухшую
бисеринами крови царапину, на что девчонка неожиданно
резво дернулась из моих рук, подскочила и дала деру с кро-
вати. Но уже у дверей ее ждал сюрприз – электронный замок.

– Мы – в тюрьме, – поднялся я и сел, глядя, как она дер-
гает ручку и барабанит в механизм, отвечавший ей красным
индикатором.

Наконец она обняла себя за плечи, пытаясь спрятаться, за-
крыться, а у меня в груди набух липкий комок злости. Толь-
ко не понятно, на кого.

– Что... – прохрипела она, закашлялась, пытаясь что-то
сказать. Я поднялся и прошел в ванную. Когда вернулся со
стаканом воды, девчонка уже сидела на кровати в простыне.
Новый вид мне не понравился, но я не стал выпускать кlyки
по этому поводу. Она и так была на грани.

– Пей, – протянул ей стакан.

Жадно его опустошив, она облизнула губы.

Я осторожно опустился рядом, невыносимо желая схватить и прижать к себе, заставить себя хотеть. Идиотизм инстинкта вырвал из груди хриплый смешок.

– Что смешного? – зыркнула она на меня зло, ежась.

– Мне не смешно, – качнул головой. – Как ты себя чувствуешь?

– Обычно я об этом спрашиваю, – усмехнулась она. – Зачем ты...

– У меня не было выбора. Так бывает. Ты – моя пара. Мы – в замкнутом пространстве. – Я врал. Или нет?

– Это теперь, – огляделась она, дрожа.

– А к кораблю ты уже привыкла?

Неожиданно говорить с ней стало важным. Мне нужно было ее «да». Я не хотел больше брать силой, так не может продолжаться постоянно.

– Потеря крови лишает контроля, – оправдывал себя. – Я не мог сопротивляться тогда. А потом стало поздно. Ты могла умереть.

Она тяжело дышала, облизывая губы и глядя мне в глаза.

– Что тебе нужно? – вдруг спросила абсолютно ровным голосом.

– Свобода.

– Это невозможно, – подняла она голову, глядя в потолок, но продолжая сжиматься в комок.

– С чего ты взяла? – прищурился я. Теперь она казалась маленькой и глупой, нуждающейся в заботе и тепле. Но в тепло она не собиралась, а я боялся сделать резкое движение.

– До сих пор что-то не освободился, – вернула на меня свой прямой пронизывающий взгляд.

– Сначала силы были неравны, потом отпало желание. Когда тебя фаршируют наркотой, наверное, тяжело оставаться собой. – Меньше всего хотелось вызывать к себе жалость, но взгляд ее смягчился. – Теперь у меня есть и силы и желание.

– Я думаю, нас не выпустят живыми, – плечи ее расслабились. Она откинулась на стенку, у которой стояла кровать, и подтянула к себе ноги. – Вас продадут. Меня... скинут в море.

– Как тебя занесло сюда? – Хотелось слушать ее. Чтобы говорила, дышала ровней, расслаблялась еще и еще. Чтобы стало можно дотянуться и погладить...

– Посушили практику, – передернула она плечами, будто сбрасывая мои пальцы. – У меня нет диплома, никто не возьмет в здравом уме. Выбраковка... – и она почему то опустила взгляд на свои руки, сжимающие простынь вокруг ног. Те еле заметно подрагивали.

Мы посидели в тишине, необъяснимо объединяющей.

– Мне нужно зализать царапины.

Она вскинула на меня прежний испуганный взгляд:

– Что?

– Если не зализать, останутся шрамы. А тебе еще жить и жить...

Я сказал это просто так, как само собой разумеющееся, но девчонка на меня так посмотрела, что я сразу понял – дал обещание. Ничего из сказанного друг другу не проходит бесследно, слова будто выжигаются на коже договором, который не нарушить. И подписались мы под ним оба кровью...

– Ты будешь жить. Обещаю.

– Что взамен? – перешла она к обязанностям сторон.

– Ты нужна мне.

– Надолго?

Я бы хотел обещать, что нет. Мне и самому было все это ни к чему. Так какая разница, кому еще на этом корабле я собрался врать ради свободы. Одной больше, одной меньше.

– Будем свободны – разойдемся, – и глазом не моргнул.

– А мы точно сможем? – Эти торги ее здорово отвлекали, даже щеки порозовели.

– Говоришь так, будто роль шлюхи для тебя привычная, – оскалился я.

– Да пошел ты! – зашипела она и взвилась, только намерение остаться в простыни ее подвело. Достаточно было поймать край ткани, в которую она замоталась, и добыча уже ле-

жала у меня между ног, соблазнительно барахталась и шипела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.